

**Д. В. Васильев****Классический пример ориентализма. Мемуары К. К. Палена как взгляд высокопоставленного чиновника на миссию России в Туркестанском крае**

В статье проанализирован фрагмент воспоминаний сенатора К. К. Палена «Миссия в Туркестан». В нем граф Пален описывает свои первые впечатления о визите в Ташкент, дает общую характеристику российской администрации и отмечает характер изменений, произошедших в Центральной Азии в результате российского цивилизационного влияния. Воспоминания Палена являются ярким примером российского ориентализма, который проявился не только в разных оценках Запада и Востока на примере России и Туркестана, но и в принципиально различных подходах к восприятию и познанию проявлений двух цивилизаций.

**Ключевые слова:** К. К. Пален, мемуары, ревизия, Туркестанский край, Российская империя, Ташкент, ориентализм, вестернизация.

Концепция ориентализма, предложенная Э. Саидом, является одним из распространенных подходов к изучению Российской империи [22]. В особенности если речь идет о ее азиатских окраинах. Под термином «ориентализм» американский ученый подразумевал особый подход, выраженный в отношении западной цивилизации к восточной, основанный на представлении Запада о Востоке, находившем выражение в имперской (колониальной) политике в отношении восточных стран и территорий. Согласно этой концепции, вступая в отношения с Востоком, Запад руководствовался не столько его презентацией (адекватным отражением), сколько его репрезентацией, т.е. образом, сконструированным самим Западом и для своих нужд. Можно сказать, что Восток, согласно такой установке, есть не сам по себе Восток, а то, что о нем думает Запад.

При исследовании империи ориентализм дает возможность более глубоко проанализировать проблемы культурного взаимодействия различных цивилизационных общностей, уделить внимание вопросам конструирования и деконструкции образов, использования научного и прикладного опыта империи в региональной (окраинной) политике. Эта концепция дает возможность не только для расширения круга источников, но и для раскрытия новых смыслов в уже исследованных, что в заметной степени позволяет скорректировать существующие нарративы [1; 2; 4; 18; 19; 23].

Однако обращаясь к ориентализму, следует избегать фетишизации оппозиции Запад — Восток, способной вернуть нас в жесткие рамки постколониализма. Рационально использовать концепцию Э. Саида как инструмент для понимания смыслов имперских практик, но не как матрицу для описания сложной гаммы отношений центра и периферий (внешних и внутренних) в рамках столь сложной гетерогенной системы, какой была Российская империя.

В российский ориенталистский дискурс крупной составной частью вписывается микроисторический анализ. Имеющийся исследовательский опыт показывает, что российская политика на Востоке во многом зависела от взглядов и убеждений петербургских чиновников. Но не только от них. Уровень, объем и качество институциональных преобразований во многом зависели от местных начальников самого разного уровня, от тех, кто стоял у руля местной администрации. В условиях определенной персонификации региональной власти в лице местных начальников личность каждого из них накладывала особый отпечаток не только на внутреннюю жизнь региона, но и на внешнюю политику

© Васильев Д. В., 2018

империи. Все они по-разному видели и исполняли свой долг. Их видение государственных задач основывалось на собственном понимании природно-климатических условий региона, его этнографической ситуации, и это, естественно, влияло на отношение к службе и к тем мероприятиям, которые они осуществляли, формировало особый стиль управления и региональный тип чиновника.

Предлагаемый в настоящей статье источник по истории Русского Туркестана является как уникальным, так и показательным. Уникальность представляемого документа состоит в том, что перед нами мемуары довольно высокопоставленного имперского чиновника, командированного в Туркестанское генерал-губернаторство не только с целью выявления реального положения вещей на далекой окраине, но и для выработки основ преобразования управления краем [8, с. 39—40]. Причем мемуары эти были составлены спустя значительное время, а следовательно, сохранили самые яркие впечатления и наиболее принципиальные характеристики. С другой стороны, эти воспоминания несут на себе отпечаток общего представления столичных чиновников о Востоке. Тех представлений, которые активно влияли на направление преобразований в регионе. И в этом отношении они в достаточной степени показательны. В целом же мемуары К. Палена являются собой комплексное отражение воззрений российского высшего чиновничества на исторический и преобразованный имперской администрацией Восток и в этом плане являются ярким примером российского ориентализма, в значительной мере оперировавшего региональной политикой Российской империи.

Ревизия сенатора графа К. К. Палена в Туркестанском крае, состоявшаяся в 1908—1909 гг., оставила после себя весьма значительный комплекс как опубликованных [7; 14—16], так и хранящихся в архивах [17] документов. Вполне естественно, материалы ревизии довольно активно используются историками, особенно в последнее время, для характеристики политического и экономического положения в регионе [9—13; 20].

Но есть среди огромного наследия этой ревизии документ, который не только был опубликован, но и получил широкое распространение за рубежом в середине прошедшего столетия. Речь идет о мемуарах К. К. Палена, посвященных его поездке в Туркестан [21]. Непростая история публикации этого документа, безусловно, свидетельствует о важности сюжета в истории поздней Российской империи. С другой стороны, составленные спустя более десятилетия после завершения реформы, они являются классическим примером восприятия Русского Туркестана высокопоставленным имперским чиновником, свободным от насущной потребности составить отчет и представить свои предложения по совершенствованию местной администрации. Брошенный графом взгляд в прошлое часто не замечает каких-то важных для современных ученых и тогдашних администраторов моментов, но выхватывает и освещает наиболее яркие, врезавшиеся в память эпизоды, которые формировали представление сенатора об инспектируемом крае, возникшее в результате преломления его вестернизированного мышления к местной реальности. В этих мемуарах — восприятие прежде незнакомого с Востоком столичного чиновника. Оно базировалось на европеизированной просветительской идеологии, выросшей из нее имперской государственной и региональной практике, которые, встречаясь с инокультурной реальностью, преобразовывались в некое политическое решение. В 1922 г., за год до своей смерти, К. К. Пален надиктовал свои мемуары на немецком языке [21, с. XIII]. В 1960-х гг. они были переведены на английский для британского издания. Для настоящей статьи перевод фрагментов сделан ее автором с опубликованного текста.

Возникающий у графа Палена образ Туркестанского края довольно конкретно очерчен и помещен в рамки обычных для того времени представлений культурных европейцев о Востоке. Фактически Туркестан — это то, что видит (способен, образно говоря, сфо-

тографировать) плохо знакомый с регионом европеец. Взгляд этот, пропущенный сквозь фильтр европейских культурных ценностей и политических институтов, безусловно, далек от реальности. Он видит то, что способен увидеть, понимает то, что способен понять, и отражает то, что способен отразить. Тем не менее такие представления Палена, характерные для типичного представителя высшей имперской администрации, формировали определенную систему знаний о Туркестане и определяли общегосударственный подход к его развитию и решению местных проблем. Так рукотворный образ Востока становился одним из источников региональной политики российского правительства.

В этом отношении особый интерес представляет вводная глава воспоминаний сенатора «Ташкент», которая не только описывает встречу К. К. Палена с Туркестаном, но и настраивает на дальнейшее повествование, отчасти объясняя общее восприятие региона ревизующими его столичными чиновниками. Здесь следует обратить внимание на ряд вопросов, которые нашли отражение в этом фрагменте: 1) восприятие приезжими новой природно-социальной среды (образ региона); 2) описание проявлений российского присутствия в регионе; 3) характеристика российской администрации; 4) сопоставление устройства российских владений в Центральной Азии с соседними странами и с Британской Индией и 5) симбиоз нового и традиционного в жизни края.

Начнем с первых впечатлений эстетики Востока. Ко времени прибытия К. К. Палена в Ташкент Туркестан уже был прорезан с запада на восток Закаспийской (1880—1891, до Ташкента — в 1898), а с севера на юг Ташкентской (Оренбург-Ташкентской, 1888—1906) железными дорогами. Именно последней как наиболее удобным способом достичь столицы региона воспользовались члены комиссии, назначенной ревизовать генерал-губернаторство. Сначала путь лежал через безжизненную степь. При подъезде же к Ташкенту картина резко изменилась: «Следующим утром мы проснулись в другом мире — мире садов и прекрасно возделанных зеленых полей, окруженных тузовыми деревьями и стройными тополями и деревеньками, разбросанными здесь и там. Загорелые жилистые, обнаженные до пояса и одетые в ярко-красные мешковатые штаны местные жители трудились в полях, склоняясь над бороздами или орудуя тяжелым кетменем — туркестанской мотыгой. На первый взгляд, в туркестанской деревне есть что-то странное для европейца — отсутствие заостренных крыш, создающее впечатление места, разрушенного огнем, пощадившим лишь стены, — впечатление, вскоре рассеянное видом любознательных женщин, толкающих друг друга на плоских крышах. Хотя до Ташкента оставалось полдня пути, мы въехали в его оазис, превращенный ирригацией в цветущий сад. <...> Следующие двенадцать часов поездом перенесли нас со станции Туркестан, расположенной в одноименном городе в 150 милях от Ташкента, в Ташкент по стране, которая казалась разительно прекрасной после монотонности степи. Хлопковые насаждения на тщательно возделанных полях стояли в полном цветении и в этом состоянии выглядели как розовые кусты в наших собственных садах. Глянцевая темно-зеленая листва и цветки формируют чаши в виде лилий, белые, с кромкой изящного розового или сиреневого цвета. Целые деревни лежат глубоко в пышных орошаемых огородах и фруктовых садах, а сочные абрикосы и весенние персики тем временем продаются на придорожных станциях» [21, с. 6, 7].

Такое восторженное отношение образованного россиянина не было чем-то новым и необычным. Издавна, а с XVIII столетия в особенности, Восток для русских, как и для европейцев вообще, оставался таинственной сценой, на которой изо дня в день разворачивалось действие сказок «Тысячи и одной ночи» [5; 6]. Ночь, кстати, в описаниях Палена выглядит не менее романтично: «Ну, наконец-то мы были в Ташкенте и в центре Туркестана. Той ночью я лежал в кровати и прокручивал в голове события дня, когда

неожиданно, несмотря на необычность окружения, запах земли, который проник сквозь окно, напомнил мне о доме. Муэдзины призывали с вершин минаретов, тихо журчала вода тонкими струйками сбегаящих ручейков, и звучал всепроникающий стрекот тысяч сверчков. Безоблачное небо распростерло свою черную мантию над землей, и миллионы звезд Млечного Пути мерцали в вышине с необычайной яркостью. В саду ряды персиковых, абрикосовых и тутовых деревьев, оплетенные ажурным узором ростков тамариска, выделялись рядом с более темными зелеными кипарисами и тополями. Вдалеке я мог различить огни города, где жизнь пульсировала после дневной жары, и слышать унылый грохот тяжелых двухколесных арб и неблагозвучный прерывистый рев ослов, иронично прозванных «соловьями Туркестана» в отсутствие крылатых конкурентов» [21, с. 8].

Конечно, столь идиллическая картина отчасти объясняется тем, что путешественники ехали в Ташкент в комфортабельных спальнях вагонов по железной дороге, а не в повозках или верхом, как это делалось истари. С другой стороны, цветущие оазисы Мавераннахра и сегодня являют собой чудесные картины сказочного плодородия, напоминающие мифический рог изобилия. Контраст до краев наполненного жизнью Эдема с безжизненной степью был столь разительным, что поневоле мог возбудить в сознании свидетеля такого дивного преобразования почти генетические представления о земном раю и величественном бриллианте в короне Российской империи. Не исключено, что это первое впечатление о Туркестане наложило отпечаток на всю работу ревизии, которая велась не только с особо пристальным вниманием ко всем сферам жизни края, но и с большим стремлением использовать казавшиеся безграничными ресурсы региона на благо всей империи.

Не меньшую симпатию вызвали у графа Палена и местные жители. Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что чаще всего перед ревизором представляли именно богатые, знатные и лояльные России представители коренного населения. «На станции [в городе Туркестане. — Д. В.] нас встретили депутации местных крепких белобородых старшин, на которых были надеты бархатные накидки и кривые турецкие мечи, отделанные серебром, золотом и драгоценными камнями, висящие по бокам. Огромная зеленого бухарского шелка палатка, называемая дастарханом, со столами внутри, буквально ломившимися от сладостей, была установлена в нашу честь на платформе.

Тот факт, что мы теперь окончательно и бесповоротно были на Востоке посреди цивилизации, весьма отличной от нашей, мы наглядно ощутили после встречи с самой первой депутацией. Контраст между немногими европейцами, представленными железнодорожными служащими, российскими чиновниками и членами их семей, и пестрой толпой местных жителей был наиболее разительным и помогал усилить восточный аромат сцены. Мы были поражены большим достоинством в осанке и жестах местных представителей, цветистым и живописным языком приветственных речей, уважением и трепетом молодежи перед их старшинами, столь очевидными в каждом движении; подавляющим, если сказать с преувеличением, гостеприимством и, наконец, значительным достоинством поведения всех, начиная от горделивых мулл и беков и заканчивая самым бедным мальчишкой-пастушком. Час, ежедневно посвящаемый занятиям по «учтивости» в мектебах, или начальных мусульманских школах, мог бы объяснить чрезвычайную благовоспитанность каждого из этой толпы.

Новое прикосновение к Востоку обеспечили ярко окрашенные шелковые и бархатные кафтаны и тюрбаны белого цвета (если его хозяин мог читать Коран по-арабски) и зеленого (если он совершил паломничество в Мекку). Все эти яркие цвета и достоинство в поведении были в таком контрасте с тускло-коричневым хаки русских чиновников и с торопливой услужливой беготней туда-сюда их прислуги. <...>

К вечеру мы медленно въезжали в Ташкент, где нас снова встретили депутации и где в нашу честь был дан официальный прием. Белые с плоскими крышами железнодорожные станции Центральной Азии с их платформами (шириной с большую городскую улицу), плотно забитыми пульсирующей толпой уроженцев каждого азиатского племени и расы, являют собой необыкновенный вид. Никаких ограничений на количество людей на платформах нет, и вся бурлящая масса людей переливается через железнодорожные линии, чудом избежав смерти, в то время как поезд прибывает на станцию. Пока мы шли к дастархану по великолепным восточным коврам, разложенным на платформе, обратили внимание в толпе на облаченные в серое, подобно мумиям, фигуры с покрывалами на глазах, украдкой семенившие за мужчинами, — то робкие дочери Евы прибыли, чтобы взглянуть на выдающихся незнакомцев.

Депутации здесь, конечно, были более многочисленными, чем в Туркестане. Сначала прибыл губернатор со своими чиновниками, сопровождаемый европейской колонией, иностранными консулами, сартовской<sup>1</sup> знатью, местным кадием (судьей), киргизами [казахами. — Д. В.], евреями, афганцами и персиянами. Затем последовали традиционное поднесение хлеба-соли, и неизбежные речи, и выражение благодарности» [21, с. 6—7].

Казалось бы, столь восторженное восприятие коренного населения, особенно в сравнении с российским чиновничеством, несколько не вяжется с естественным для европейцев представлением о безусловном господстве европейской цивилизации. На самом же деле ничего в этом подозрительного нет. Чем более разительны цивилизационные отличия, тем в большей мере и тем искреннее оказывается перцептор во власти ориентализма, то есть сконструированных европейских представлений о Востоке. То обстоятельство, что вдохновенное восприятие К. К. Паленом колоритных картинок из местной жизни вовсе не означало идеализации местного типа цивилизации, подтверждают его рассуждения о еще недавнем прошлом региона. При этом, вполне согласно концепции ориентализма, русские как носители передовой цивилизационной практики предстают стоящими на гораздо более высоком уровне развития.

«В начале девятнадцатого столетия Туркестан, как Европа в период наполеоновских войн, испытывал муки кровопролития и беспокойство. Новое ханство со столицей в Коканде возникло в Фергане и расширялось в восточном направлении и на север — к Китаю и Кашгару. К самому концу 1840-х гг. его правитель захватил власть над большим регионом, простиравшимся от провинций Кашгара и Кульджи на китайской границе до устья Сырдарьи. В Аулие-Ате в районе Семиречья их продвижение было остановлено русскими войсками, переброшенными с севера и из Сибири. В Пишпеке сорокатысячная армия кокандских воинов была разбита отрядом из 1500 человек под командованием генерала Колпаковского, позднее ставшего генерал-губернатором степных областей. Массовая тактика орды больше не соответствовала современному оружию и уровню подготовки войск, и ее поражение было настолько полным, что после него кокандский хан уже никогда не оправился. Как вассал он показал себя изменником, и впоследствии его ханством завладели русские.

После Пишпека русские взяли Ташкент. Потом они пересекли пустыню на западе и отняли святой Самарканд у эмира Бухары, а в 1873 г. сделали хана Хивы российским вассалом. <...> В 1880 г. вся Закаспийская область, единственная остававшаяся тогда в руках кочевников территория, была принесена под российский скипетр в результате победы генерала Скобелева над туркменами в Геок-Тепе. Вхождение России в Центральную Азию, сопровождавшееся внедрением европейских порядков и цивилизации, принесло глоток свежего воздуха на землю, ограбленную и доведенную до нищеты сто-

<sup>1</sup> Сарты — оседлое население Русского Туркестана.

летиями азиатского деспотического правления. Читатель, приученный видеть различия между тем, что его учили считать западной цивилизацией и российскими условиями, может быть, не в состоянии оценить значительность и последствия изменений, которые осуществила в жизни Центральной Азии царская автократическая Россия. Было покончено с рабством; произвольное законодательство ханов, эмиров и их марионеток, беков, которые управляли большей частью богатства своих хозяев, например их отарами, было заменено российским законом, перед которым все жители, независимо от их состояния, были равны. До сих пор поработанные пленники каждой расы в Азии, внезапно освобожденные, торопились домой, чтобы распространить новости об этих невиданных изменениях, введенных гуманной администрацией, поддержанной одним универсальным предписанием и усиленной русским оружием. С этого времени приговоры кадиев (судей) в народных судах основывались на рациональной адаптации шариата (святого закона ислама) к российской концепции правосудия» [21, с. 12—13].

Ориенталистское восприятие Востока весьма ярко прослеживается в оценке, данной Паленом тем преобразованиям, которые произошли в Туркестанском крае под влиянием и по инициативе российской администрации. Этим изменениям автор дает однозначно положительную оценку, при этом показывая местное население апологетом новой власти и ярым поборником достижений западной цивилизации. И хотя сегодня сложно отрицать прогрессивное значение многих преобразований, их столь идеалистическая оценка представляется некорректным проявлением имперского ориентализма.

«Реакцию коренных жителей на российское правление в Туркестане, которое воспринималось как нечто подобное раю, легче понять, если вспомнить, что сразу же после их вхождения в состав России русские отменили рабство, разогнали сборщиков податей прежних правителей, ввели систему избираемых судов, утверждаемых начальниками, и, что самое важное, на деле покончили со старой налоговой системой. Конечно, нельзя отрицать отдельных случаев коррупции. Но что они в сравнении с вымогательствами прошлого?

Чтобы не задевать чувства мусульман, для которых право государя на десятину предопределено Пророком, была сохранена внешняя форма оценки имущества для налогообложения. Был составлен реестр земельной собственности, и взимаемый оклад, переведенный в денежный эквивалент, был основан на стоимости продукции. Эта оценка была настолько скромной, что в действительности установленный налог редко превышал размер от одного до трех процентов. Спустя несколько лет, когда дорогой хлопок в качестве основы урожая коренных жителей сменил зерно, бремя налогообложения еще более смягчилось благодаря сохранению ставки, изначально основанной на зерне.

Одним из более слабых аспектов российского управления была относительная скромность сумм, ассигнованных на мероприятия по улучшению бытовых условий, на культуру и технические работы. Следует отметить, что бюджета вновь завоеванных областей хватало только на удовлетворение лишь насущных потребностей администрации. Одним из препятствий в этом была позиция имперского Министерства финансов в Санкт-Петербурге, основанная на утверждении, что завоевание «пустыни», которой они считали Туркестан, просто добавилось к обязательствам короны и не принесло ей новых источников дохода. Как бы то ни было, в течение некоторого времени после завоевания эти недостатки оставались незамеченными. Бывшие ханы и эмиры угнетали коренных жителей так долго и так широко использовали принудительный труд, что сарты и киргизы, принуждаемые русскими к строительству дорог, улиц из домов для европейцев и прокладке ирригационных каналов, необходимых для содержания их прекрасных садов, не проявляли негодования и не думали, что это особо утомительная работа. Действительно,

они считали, что с ними очень хорошо обращались в сравнении с условиями, в которых они находились при прежних хозяевах.

Популярность российского режима в Туркестане сохранялась много лет и выражалась в уважении и почитании далекого первоисточника “русского идеала” — “белого царя”, “ак-падишаха”» [21, с. 16—17].

Последнее заявление графа Палена вполне однозначно и бесповоротно возносит европейские цивилизационные императивы на немыслимую высоту над региональной традиционной повседневностью. Рост престижа российской власти в регионе сенатор объяснял грамотными действиями первых представителей империи, которых неуклонно поддерживало центральное правительство.

«Во время этих грандиозных операций, которые охватили весь этот огромный регион, русские войска вел генерал Кауфман, человек выдающихся способностей. Будучи генерал-губернатором Туркестана и полномочным представителем царя Александра, он показал себя самым талантливым администратором. Ему было позволено пользоваться фактически безграничной властью над недавно завоеванными областями. Законодательство, утверждение общественного порядка, право помилования, начало войны и заключение мирных договоров с соседними государствами — все это было возложено на этого человека. <...>

Огромным влиянием, которым пользовалась Россия во всей Азии в конце XIX столетия, она была во многом обязана умеренной и просвещенной политике в завоеванных районах, за реализацию которой непосредственно отвечал генерал Кауфман. Это было усилено успехами его войск и в особенности победой при Таш-Кепри, одержанной генералом Комаровым над афганцами, которых поддерживали британцы. Эта победа нанесла жестокий удар по авторитету Британии, и ее отношение дошло до почти откровенной враждебности, когда Россия продвинула свои границы до Серахса на персидской границе и до Кушкинского перевала, открывавшего путь в Индию, на афганской. После этих кампаний, которые завершили российское проникновение в Центральную Азию, эра мирного развития и прогрессивного совершенствования жизни коренного населения пришла на эту землю.

Кауфману и Колпаковскому было позволено управлять Туркестаном с небольшим вмешательством центрального правительства в Санкт-Петербурге или с отсутствием оно-го. ...Каждая область делилась на уезды, поставленные под контроль военных начальников и управлявшиеся уездными чиновниками, им подчиненными» [21, с. 12, 13—14].

Судя по всему, Пален не просто симпатизировал первому туркестанскому генерал-губернатору К. П. фон Кауфману. Представляется, что Константин Константинович был поборником самостоятельности региональной администрации, возглавляемой авторитетным (и авторитарным) просвещенным генерал-губернатором, безупречным и аккуратным проводником российской государственности. Эта мысль подтверждается словами самого сенатора: «В начале этого [двадцатого. — Д. В.] столетия первоначальная административная система, установленная Кауфманом, была изменена наплывом колониальных чиновников, прямо ответственных перед центральным правительством. Управляющие государственными имуществами, инспекторы внутренних доходов, юридический персонал недавно установленных судов, строительный штаб Оренбург-Ташкентской железной дороги и т.д. ждали директив из Санкт-Петербурга, а не из Ташкента. Даже если учесть сложность так быстро созданной правительственной машины и огромный объем работы, которую она эффективно выполняла по сравнению с примитивными азиатскими институтами соседних государств, вполне можно представить себе влияние России на народы, живущие вокруг границ Туркестана. Тысячи афганцев, персов, китайцев и индийцев, ко-

торые ежегодно стекались на базары Ташкента, Самарканда, Ашхабада и Маргелана для торговли или посещения святынь, распространяли славу о российских достижениях по всей Азии [21, с. 14].

Справедливости ради следует заметить, что граф Пален, при всей его восторженности от успеха миссии России по облагораживанию коренного населения Туркестана, все-таки достаточно объективно оценивал роль местных российских чиновников в деле преобразования туркестанской действительности. При этом весьма справедливо его мнение и о динамике роли регионального чиновничества в зависимости от степени его свободы или зависимости от воли центральных властей. И действительно, до тех пор, пока местное начальство занималось гражданским обустройством края, опираясь на безоговорочную поддержку всех начинаний со стороны верховной власти, проводившиеся преобразования не встречали заметного сопротивления со стороны местных жителей. Возможно, из-за того, что они не носили жесткого деструктивного характера по отношению к местным традициям [3]. Однако когда настал черед переходить к более решительным шагам по сближению Туркестанского генерал-губернаторства с остальными частями империи, последовали и более решительные шаги, направлявшиеся из центра во имя ликвидации региональной специфики. И эти шаги, которые можно назвать избыточно радикальными, вполне естественно, не могли быть столь же эффективными, вызвали непонимание и неприятие в совершенно разных слоях местного общества. И, по мнению К. К. Палена, подрывали престиж империи на Востоке.

«Престиж России в Азии был велик. Однако благодаря некомпетентности последователей Кауфмана фундамент, который он так хорошо заложил, был впоследствии расшатан. Действительно, его завоевание Туркестана сопоставимо с завоеванием Мексики Кортесом. Войска под его командованием никогда не насчитывали более 5000 человек, в то время как размер поставленной им под свой контроль страны может быть оценен размером самого малого уезда, простиравшегося на 500 квадратных миль, и который мог управляться каким-то скромным лейтенантом с дюжиной солдат, призванных обеспечить его власть.

У меня была возможность опросить несколько первопроходцев, которые служили под военным начальством Кауфмана, и зафиксировать их впечатления. Некоторые из них были прекрасно образованными людьми, которые говорили на двух или трех местных языках — киргизском, сартовском, туркменском или арабском — и были авторами учебных трудов. В первые дни, когда колония была в большей степени изолирована от родной страны как пустыней, так и расстоянием, искренняя преданность ее интересам была главной силой в жизни поселенцев, в то время как Европе и всему, что с ней связывалось, было позволено отступить на задний план. По современным стандартам, российским колониальным чиновникам чрезвычайно хорошо платили, размер их зарплаты значительно превышал плату армейским офицерам с передовой; к тому же им предоставлялись превосходные жилые помещения и слуги. Поэтому под рукой не было недостатка в кандидатах на административные должности и Кауфман следовал практике отбора областных и уездных чиновников из числа своих лучших батальонных и ротных командиров.

К сожалению, несколько черных овец среди них создали администрации дурную славу, когда вернулись домой с туго набитыми карманами. Здесь я должен засвидетельствовать очень высокий стандарт эффективности первых правительственных чиновников — настоящих первых поселенцев — в их работе и цивилизационном влиянии, которое они осуществляли. Они поддерживали мир и порядок в стране, в то время как огромные предприятия по производству молочных продуктов, выращиванию фруктов и хлопка, производящего в огромном размере, создавались по их инициативе. Для них работа стала



неотъемлемой частью жизни, а коренное население и его благополучие были ближе, чем собственные родственники в отдаленной Европе.

Это чувство единения с новой родиной проявлялось в начале столетия, когда в Туркестан хлынула волна переселенцев из России. Центральная администрация приветствовала их приезд, но уездные чиновники обращались с ними как с незваными гостями и высокомерно сравнивали “варварский”, по их словам, образ жизни переселенцев с освященными временем традициями коренного населения. Эта точка зрения, следует признать, основывалась на неудачном в то время отборе переселенцев. Большинство из них не было ни крестьянами от земли, ни настоящими фабричными рабочими, но принадлежали к промежуточному классу обнищавших в России в результате неких обстоятельств. Соблазненные розовыми перспективами “обещанной земли”, они ехали в Туркестан с единственной готовностью вести праздную жизнь за счет государства; они не желали упорно трудиться, не интересовались передовыми методами земледелия и взирали свысока на трудолюбивых и дисциплинированных местных жителей.

В течение последнего десятилетия накануне войны 1914 года, вместо того чтобы приносить пользу, пришлые были источником постоянного беспокойства для туркестанских властей, и это положение усугублялось вмешательством центрального правительства, вызванным действиями по увеличению их численности. Пока был жив генерал Кауфман, Санкт-Петербург довольствовался невмешательством и не рисковал чинить препятствия его административным мерам. После его смерти ситуация изменилась. Длинная шеренга выдающихся генералов, храбрых на войне, но слабых как администраторы, оказалась на посту туркестанского генерал-губернатора. Они становились инструментами в руках своих подчиненных и из-за своего положения, близкого к статусу суверена, были способны блокировать попытки реализации централизованной политики, направлявшейся из столицы. С другой стороны, в Санкт-Петербурге каждое заинтересованное министерство было увлечено продвижением своей собственной политики, чаще всего основанной на совете некоего мелкого гражданского служащего, которая могла идти вразрез с мнением генерал-губернатора.

Переход от политики невмешательства и доброжелательности к положению генерал-губернатора, не обладающего поддерживающими директивами, оказал заметное влияние на местных. Прежде такие умиротворенные и дружественные, они возмущались высокомерием приезжих, негодовали из-за потока инструкций, которыми они теперь были окружены со всех сторон, и стали сначала настороженными, а затем и враждебными к России. Такому изменению отношения способствовал рост панисламского движения в мусульманском мире...» [21, с. 17—19].

Тем не менее произошедшие под влиянием России изменения в жизни Туркестана выгодно, по мнению К. К. Палена, выделяли этот край среди соседних государств: «В то время когда жители Туркестана начали наслаждаться плодами справедливого правительства, их братья в Афганистане, Персии и Западном Китае все еще оставались во власти неоправданных моделей деспотизма, не сдерживаемого каким-либо подобием закона, и правовой системы, которая едва изменилась со времен Тамерлана. Цель какого-нибудь афганского бека, китайского мандарина или персидского губернатора состояла в том, чтобы извлечь как можно больше денег из управляемой им провинции с полным игнорированием уровня благосостояния населения, которое он обескровливал в своих собственных интересах так же, как это делал его господин и хозяин» [21, с. 14—15].

Выше уже было приведено невыгодное сравнение Русского Туркестана с Британской Индией. Не останавливаясь на этом, сенатор еще раз особо подчеркнул различия между владениями двух империй, особо разительные с учетом идиллического описания таш-

кентского оазиса: «В Индии того времени подати безжалостно взыскивались местными сборщиками по поручению британцев. И эти сборщики, в свою очередь, трудились повсеместно на дорогах Азии. Невероятное плодородие почвы и веками выработанная способность населения обходиться без самых элементарных жизненных потребностей — вот причины того, что описанные мною условия смогли сохраниться во всех этих странах» [21, с. 16].

Завершая вступительную главу к своим туркестанским воспоминаниям, К. К. Пален прямо назвал российскую политику в Туркестане европеизацией и обратил внимание на удивительное сочетание европейского и традиционного местного, проявлявшегося в наблюдаемой им повседневности новой туркестанской элиты. В следующем фрагменте, желая того или нет, граф Пален иносказательно называет изменения, произошедшие в местной жизни при российской власти, революционными, сравнивая их по эффекту с потрясением, вызванным в европейском обществе демонстрацией фильма братьев Люмьер «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота»: «...общее направление местной жизни было сориентировано на “европеизацию”. Прибывающий на станцию железнодорожный локомотив символизировал победу над пустыней. Опрятно одетые русские железнодорожные проводники, носящие фирменный знак своей профессии — белый передник, приветствовали утомленного путешественника на станции и провожали его к удобным дрожкам (извозчику), запряженным, как правило, двумя лошадьми. Затем его крупной рысью везли в европейскую часть города по прямым широким проспектам, фланкированным двумя рядами деревьев, сквозь которые мелькали арыки (ирригационные каналы), бегущие параллельно улице, мимо одноэтажных с плоской крышей домов и, наконец, доставляли к роскошному отелю с современно меблированными чистыми комнатами и ванными» [21, с. 19].

Подходя к завершению, хочется обратиться к еще одной весьма интересной сцене, в которой предстает светская повседневность, почти парадоксальным образом вплетающаяся в европеизированную канву тонкие нити традиционной повседневности.

«Жизнь в административных и деловых кругах того времени была вполне европейской. Вскоре после прибытия я посетил банкет, данный генерал-губернатором. Большинство мужчин было в полевой форме защитного цвета (было лето, и войска находились на маневрах), но со звездами и знаками отличия; женщины были в длинных вечерних платьях с искрящимися драгоценностями и цветами в волосах. Такие же костюмы можно было бы найти где-нибудь в Санкт-Петербурге, Берлине, Вене или Париже. Даже цветы на обеденном столе — розы, белая акация, фиалки, прекрасные тюльпаны и нарциссы — были напоминанием дома. Предложенная нам пицца также была совсем не восточной. Конечно, была обязательная русская закуска из черной икры, соленых грибов и разнообразия пирожков; и даже страсбургский пирог отменного вкуса заливался традиционной водкой. Напечатанные по-французски меню извещали, что нам будет подан обед из шести или семи блюд, что соответствовало тому, на что мы могли рассчитывать дома, в то время как шампанское и другие вина все были привезены из Европы.

Но когда после обеда мы пошли в сад, где подавали кофе, то сразу вернулись в Азию с ее черной как смоль ночью и мириадами звезд Млечного Пути, со всепроникающим стрекотом сверчков, журчаньем воды в каналах, горьким привкусом насыщенного ароматами воздуха пустыни, который заставлял сердце биться чаще, при этом он кажется таким легким, поскольку Ташкент расположился на 600 метров выше уровня моря.

О саде при генерал-губернаторской резиденции в то время очень хорошо заботились и прекрасно обеспечивали водой, столь ценной в Центральной Азии. Тенистые кроны прекрасных деревьев создавали навес над нашими головами, а цветные фонари и свечи

превращали сцену в волшебную страну, в то время как мы потягивали кофе за маленькими столами, расставленными на лужайках. Очаровательные ручьи журчали у наших ног. Кофе подавали местные сарты в праздничной национальной одежде, в шитых золотом тюбетейках и ярких шелковых кушаках, опоясывающих талии белых кафтанов. Официальный черный цвет европейского вечернего костюма и даже изящные платья дам казались несколько неуместными в этой восточной обстановке. Оглядевшись на собравшихся вокруг гостей, я поймал себя на вопросе, что мы, европейцы, принесли на эту землю, кроме, возможно, некоторых удобств и нескольких технических средств, облегчающих существование? Были ли эти люди счастливее до прихода европейцев? Привело ли появление солдата, европейского инженера и техника к зарождению фермента распада, направленного в конечном счете на разрушение человеческих душ вместе с их этическими и нравственными нормами?

В ходе моей инспекторской поездки я много размышлял об этой проблеме. Чувствовал, что дополнительно к моим другим обязанностям должен попытаться понять основные принципы взгляда местного населения на жизнь, изучить работу их ума и оценить изменения, которые вызвал этот контакт с другой цивилизацией» [21, с. 19—21].

Последняя фраза возвращает нас в начало этой статьи, где мы предположили, что именно первые впечатления К. К. Палена о природе и людях края, о тех изменениях, которые привнесли в него русские, и о характере российской администрации стимулировали сенатора к чрезвычайно серьезному и ответственному подходу к своей миссии в Туркестан, которая должна была определить направления развития этого края на ближайшие десятилетия.

Завершая знакомство с первой главой воспоминаний графа К. К. Палена, отметим, что в ней сенатор вполне однозначно выступает как яркий ориенталист, то есть воспринимает Туркестан исключительно с позиций западного сознания. В рассмотренном фрагменте фактически нет места отражению подлинной реальности в широком ее понимании. Местная традиция изображена как проявление архаики, а не как естественная данность. Мы не видим цельного региона с исторически сложившейся и самобытной культурой, а лишь территорию и население, нуждающееся в модернизации, призванной покончить с губительным прошлым. Ориентализм Палена проявился не только в разных оценках Запада и Востока на примере России и Туркестана, но и в принципиально различных подходах к восприятию и познанию проявлений двух цивилизаций.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00078.*

#### Список использованных источников и литературы

1. Абашин С. Н. В. П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...» Кризис ориентализма в Российской империи? // Азиатская Россия: люди и структуры империи : сб. науч. статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 43—96.
2. Бобровников В. О. Ориентализм в литературе и политике на Северном Кавказе // Азиатская Россия: люди и структуры империи : сб. науч. статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 23—42.
3. Васильев Д. В. Полпред Российской империи // Военно-исторический журнал. 2003. № 3. С. 70—76; № 4. С. 46—49.
4. Васильев Д. В., Абашин С. Н. Образ центральноазиатского региона в российском обществе // Центральная Азия в составе Российской империи. М. : Новое лит. обозрение, 2008. С. 313—337.
5. Васильева И. В., Васильев Д. В. Образы жителей Туркестана и его завоевателей в литературных произведениях Н. Н. Каразина [Электронный ресурс] // Науковедение. Интернет-журнал. 2014. № 6 (25). С. 56. DOI: 10.15862/56PVN614.

6. Васильева И. В., Васильев Д. В. Русский Туркестан в литературных произведениях Н. Н. Каразина [Электронный ресурс] // Наукоедение. Интернет-журнал. 2014. № 4 (23). С. 136. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/136PVN414.pdf>.
7. Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы Отчета о произведенной в 1908—1909 гг. ... сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом ревизии Туркестанского края: Ч. 1—2. СПб. : Сенат. тип., 1910.
8. Котюкова Т. В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М. : Научно-политическая книга, 2016. 391 с.
9. Любичанковский С. В. Губернские администрации Российской империи в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Клио. 2005. № 3. С. 125—131.
10. Любичанковский С. В. Сенаторская ревизия Туркестанского края в 1908—1909 гг. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 127—132.
11. Махмудова Н. Б. Мемуары К. К. Палена «Миссия в Туркестане 1908—1909 гг.» // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 72—80.
12. Махмудова Н. Б. «Особое высочайшее наставление» и «Высочайше утвержденная инструкция» для сенаторской ревизии К. К. Палена: историко-источниковедческий обзор // Метаморфозы истории. 2017. № 10. С. 255—265.
13. Махмудова Н. Б. Сенаторская ревизия графа К. К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 134—150.
14. Опыт систематического изложения главнейших начал шариата, применяемых ныне в коренных областях Туркестанского края. Ташкент : Типография при канцелярии туркестанского генерал-губернатора, 1909. 126 с.
15. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. [Т. 1—18]. СПб. : Сенат. тип., 1909—1911.
16. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. 1—2. СПб. : Сенат. тип., 1911. 3 т.
17. Ревизия сенатора гр. Палена К. К. Туркестанского края // Российский государственный исторический архив. Ф. 1396. Оп. 1. 491 д.
18. Ремнев А. В., Сухих О. Е. Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским презентациям // Ab Imperio. 2006. № 1. С. 119—154.
19. Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. М. : Восточная литература, 2000. 214 с.
20. Шушкова М. Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. 2012. № 32 (32). С. 6—19.
21. Mission to Turkestan: Being the Memoirs of Count K. K. Pahlen. 1908—1909 / ed. R. A. Pierce. London : Oxford University Press, 1964. 238 p.
22. Said E. W. Orientalism. N.-Y. : Vintage books, Cop. 1978. 368 p.
23. Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism. Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. London : Yale University Press, 2010. 298 p.

Поступила в редакцию 08.08.2018

**Васильев Дмитрий Валентинович**, доктор исторических наук, доцент  
 Московский городской педагогический университет  
 Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4  
 E-mail: [dvvasiliev@mail.ru](mailto:dvvasiliev@mail.ru)

UDC 94(47+57)“19”

D. V. Vasilyev

**A classic example of Orientalism. Memoirs of K. K. Pahlen as a view of a high-ranking official on the mission of Russia in the Turkestan region**

The article analyzes a fragment of Senator K. K. Pahlen's memoirs "Mission to Turkestan". In this fragment Count Pahlen described his first impressions of the visit to Tashkent, gave a general description of the Russian administration and noted the nature of changes that occurred in Central Asia as a result of Russian civilizational influence. Pahlen's memoirs are a spectacular example of Russian Orientalism, which manifested itself not only in different estimations of West and East on the example of Russia and Turkestan, but also in fundamentally different approaches to perception and cognition of the manifestations of the two civilizations.

**Key words:** K. K. Pahlen, memoirs, revision, Russian Empire, Turkestan region, Tashkent, orientalism, westernization.

*Vasilyev Dmitry Valentinovich*, Doctor of Historical Sciences, Associated Professor  
Moscow City University  
Russian Federation, 129226, Moscow, 2 Sel'skokhoziajstvennyi proezd, 4  
E-mail: [dvvasiliev@mail.ru](mailto:dvvasiliev@mail.ru)

**References**

1. Abashin S. N. V. P. Nalivkin: "...budet to, chto neizbezhno dolzhno byt'; i to, chto neizbezhno dolzhno byt', uzhe ne mozhet ne byt'..." Krizis orientalizma v Rossiiskoi imperii? [V. P. Nalivkin: "...there will be something that must inevitably be; and that which must inevitably be cannot be any more..." Is there a crisis of Orientalism in the Russian Empire?]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sb. nauch. statei. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. V. Remneva* [Asian Russia: people and structures of the empire. A collection of scientific articles. To the 50<sup>th</sup> anniversary of the birth of Professor A. V. Remnev]. Omsk, OmGU Publ., 2005, pp. 43—96. (In Russian)
2. Bobrovnikov V. O. *Orientalizm v literature i politike na Severnom Kavkaze* [Orientalism in literature and politics in the North Caucasus]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sb. nauch. statei. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. V. Remneva* [Asian Russia: people and structures of the empire. A collection of scientific articles. To the 50<sup>th</sup> anniversary of the birth of Professor A. V. Remnev]. Omsk, OmGU Publ., 2005, pp. 23—42. (In Russian)
3. Vasil'ev D. V. Polpred Rossiiskoi imperii [Plenipotentiary of the Russian Empire]. *Voenno-istoricheskii zhurnal — Military Historical Journal*, 2003, no. 3, pp. 70—76; no. 4, pp. 46—49. (In Russian)
4. Vasil'ev D. V., Abashin S. N. Obraz tsentral'noaziatskogo regiona v rossiiskom obshchestve [The image of the Central Asian region in Russian society]. *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia as part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2008, pp. 313—337. (In Russian)
5. Vasil'eva I. V., Vasil'ev D. V. Obrazy zhitel'ei Turkestana i ego zavoevatelei v literaturnykh proizvedeniyakh N. N. Karazina [Images of the inhabitants of Turkestan and his conquerors in the literary works of N. N. Karazin]. *Naukovedenie. Internet-zhurnal*, 2014, no. 6 (25), pp. 56. DOI: 10.15862/56PVN614. (In Russian)
6. Vasil'eva I. V., Vasil'ev D. V. Russkii Turkestan v literaturnykh proizvedeniyakh N. N. Karazina [Russian Turkestan in literary works of N. N. Karazin]. *Naukovedenie. Internet-zhurnal*, 2014, no. 4 (23), pp. 136. Available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/136PVN414.pdf>. (In Russian)
7. *Vsepoddanneishaya zapiska, sodержashchaya glavneishie vyvody Otcheta o proizvedennoi v 1908—1909 gg. ... senatorom gofmeisterom grafom K. K. Palenom revizii Turkestanskogo kraja: Ch. 1—2* [The most generous note containing the main conclusions of the Report on the 1908—1909 production. ...Senator Housemaster Count K. K. Pahlen revision of the Turkestan Territory: Part 1—2]. St. Petersburg, Senat. tip. Publ., 1910. (In Russian)
8. Kotyukova T. V. *Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy* [Outskirts on a special position... Turkestan on the eve of drama]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga Publ., 2016. 391 p. (In Russian)
9. Lyubichankovskii S. V. Gubernskie administratsii Rossiiskoi imperii v otsenke senatorskikh revizii nachala XX v. [The provincial administrations of the Russian Empire in the assessment of senatorial audits of the early twentieth century]. *Klio*, 2005, no. 3, pp. 125—131. (In Russian)

10. Lyubichankovskii S. V. Senatorskaya reviziya Turkestanskogo kraia v 1908—1909 gg. [Senatorial inspection of the Turkestan Territory in 1908—1909]. *Voprosy istorii*, 2015, no. 1, pp. 127—132. (In Russian)
11. Makhmudova N. B. Memuary K. K. Palena “Missiya v Turkestane 1908—1909 gg.” [Memoirs of K. K. Pahlen “Mission in Turkestan 1908—1909”]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost’ (Vostok (Oriens))*, 2017, no. 3, pp. 72—80. (In Russian)
12. Makhmudova N. B. “Osoboe vysochaishee nastavlenie” i “Vysochaishe utverzhennaya instruktsiya” dlya senatorskoi revizii K. K. Palena: istoriko-istochnikovedcheskii obzor [“Special Highest Instruction” and “Highest Approved Instruction” for the senatorial inspection of K. K. Pahlen: a historical and source study review]. *Metamorfozy istorii — Metamorphoses of History*, 2017, no. 10, pp. 255—265. (In Russian)
13. Makhmudova N. B. Senatorskaya reviziya grafa K. K. Palena v Turkestane: prichiny, khod, posledstviya [Senatorial inspection of Count K. K. Pahlen in Turkestan: causes, course, consequences]. *Metamorfozy istorii — Metamorphoses of History*, 2016, no. 7, pp. 134—150. (In Russian)
14. *Opyt sistematicheskogo izlozheniya glavneishikh nachal shariata, primenyaemykh nyne v korennykh oblastiakh Turkestanskogo kraia* [The experience of systematic presentation of the main principles of Shari’ah, currently used in the indigenous regions of the Turkestan region]. Tashkent, Tipografiya pri kantselyarii turkestanskogo general-gubernatora Publ., 1909. 126 p. (In Russian)
15. *Otchet po revizii Turkestanskogo kraia, proizvedennoi po vysochaishemu povelению senatorom gofmeisterom grafom K. K. Palenom* [Report on the Turkestan region inspection, produced by the Senator, Chamberlain, Count K. K. Pahlen by the highest order]. Vol. 1—18. St. Petersburg, Senat. tip. Publ., 1909—1911. (In Russian)
16. *Materialy k kharakteristike narodnogo khozyaistva v Turkestane* [Materials to the characteristics of the national economy in Turkestan]. Part. 1—2. St. Petersburg, Senat. tip. Publ., 1911. 3 t. (In Russian)
17. Reviziya senatora gr. Palena K. K. Turkestanskogo kraia [Turkestan region inspection by Senator, Count K. K. Pahlen]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 1396. Op. 1. 491 d. (In Russian)
18. Remnev A. V., Sukhikh O. E. Kazahskie deputatsii v stsenariyakh vlasti: ot diplomaticheskikh missii k imperskim prezentatsiyam [Kazakh deputations in power scenarios: from diplomatic missions to imperial presentations]. *Ab Imperio*, 2006, no. 1, pp. 119—154. (In Russian)
19. Soplenkov S. V. *Doroga v Arzrum: rossiiskaya obshchestvennaya mysl’ o Vostoke* [Road to Arzrum: Russian social idea of the East]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. 214 p. (In Russian)
20. Shushkova M. E. Reforma upravleniya Turkestanskim kraem v nachale XX v.: raznoglasiya mezhdru S.-Peterburgom i Tashkentom [Governance reform of the Turkestan region at the beginning of the twentieth century: disagreements between St. Petersburg and Tashkent]. *Novyi istoricheskii vestnik — The New Historical Bulletin*, 2012, no. 32 (32), pp. 6—19. (In Russian)
21. Pierce R. A. (ed.) *Mission to Turkestan: Being the Memoirs of Count K. K. Pahlen. 1908—1909*. London, Oxford University Press, 1964. 238 p.
22. Said E. W. *Orientalism*. N.-Y., Vintage books, Cop. 1978. 368 p.
23. Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism. Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. London, Yale University Press, 2010. 298 p.